

НИКОЛАЙ ВОРОНОВ

ПАДЕНИЕ
СТИХОТВОРНОЙ
ФОРМЫ В НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Николай Ильич Воронов
Падение стихотворной формы
в новейшей русской литературе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24411412

Аннотация

«Милостивые государи! Современная русская литература представляет много утешительных явлений, между которыми не последнее место занимает и уменьшение стихов, насколько это возможно при положительности стремлений, характеризующих наш век. Любопытно, однако, проследить, что было причиной этого явления, как оно вышло в жизнь и в какой мере мы должны признать его законность...»

Содержание

Николай Воронов

Падение стихотворной формы в новейшей русской литературе

Милостивые государи!

Современная русская литература представляет много утешительных явлений, между которыми не последнее место занимает и уменьшение стихов, насколько это возможно при положительности стремлений, характеризующих наш век. Любопытно, однако, проследить, что было причиной этого явления, как оно вышло в жизнь и в какой мере мы должны признать его законность.

Мы редко приближаемся к истине прямым путем, изгибы и повороты очень часто случаются на дороге преследования наших целей, крайности, увлечения почти неизбежны в деле нашего прогресса. И если мы вникнем в какой-либо факт нашей жизни, то должны сознаться, что он есть или сам по себе крайность или воздействие предшествовавшей ему крайности или, наконец, он – сама истина, выработанная путем долгих увлечений. Так и уменьшение стихов в нашей литературе непременно предполагает другую крайнюю сторону этого дела, т. е. излишнее увлечение стихами, так называе-

мую метроманию, или страсть к стихотворству. Это своего рода душевная болезнь, которая имеет хотя и отрицательное влияние на развитие литературы и должна входить в предмет научных изысканий: потому, говоря о падении литературной формы в русской литературе, считаю необходимым коснуться метромании.

Страсть к стихотворству как излишнее увлечение формой заслуживает порицания. Вредная сторона ее заключается главным образом в том, что одержимые ею тратят свои силы на бесплодный труд и этим лишают общество той пользы, которую они могли бы приносить ему, сделав лучшее употребление из своих сил. Что же касается до самих метроманов, то стихотворство как крайность не позволяет им хорошо видеть что-либо дальше стиха и рифмы. Отсюда происходит застой в понятиях, столь вредный в деятельности всякого рода.

С другой стороны, метромания является самою невинной из страстей, которые открыто выходят на показ к публике. Она своим появлением никогда не возбуждала негодования и вызывала одни лишь насмешки. Это явный признак того, что общество не столько тяготеет к ней, сколько подшучивает над людьми довольно странными и готова даже извлекать удовольствие из их странностей. За невинность метромании ручается и то обстоятельство, что она не заключает в себе разрушительных элементов других страстей и через то не может иметь трагических развязок. Причина это-

го есть, без сомнения, неистощимая удободостижимость содержания для этой страсти: метроман всегда может удовлетворить себя стихами, а общество имеет при этом полную волю читать их или не читать. Трагические развязки других страстей, не находящих для себя пищи и через то проявляющихся в грозных порывах, естественно, не могут здесь иметь места.

Поэтому можно было метроманию исключить из разряда страстей, если бы она не имела всей их заманчивости, которая, захватив раз в свою власть человека, держит его в своих сетях и заставляет ими опутываться все крепче и крепче так, что выход ему на свободу уже невозможен. Некоторые из метроманов сделали признания, из которых видна вся сила завлекательности стихотворства; другие, будучи преследуемы отовсюду насмешками и, не выходя гласно со стихами, писали их единственно для себя. Здесь страсть питалась собой, как другие страсти. Самый процесс писания стихов часто бывает мучителен, когда не отыскиваются нужные рифмы, когда слово не укладывается в стих. Метроман теряет, несколько раз марают начатое, кусает губы, ерошит волосы, рвет бумагу, а нужная рифма не спешит к нему на помощь; он, наконец, решается оставить навсегда свое занятие и несколько времени крепко держится своего решения. Но вот ему на память приходит недоконченный стих: забыта клятва, перо опять у него в руках, две или три удачные рифмы ведут его дальше, и снова начинается прежняя рабо-

та, и вместе с тем и прежняя мука. Если прибавить к этому еще те терзания зависти, которую метроман питает к производителям хороших, по-видимому, легко достающихся стихов, если принять в расчет те насмешки, которыми осыпают метромана в обществе, то нам представится вполне вся сила завлекательности стихотворства, не уступающая силе других страстей.

Однако метромания имеет свои степени, которые зависят как от самого метромана, так и от окружающего его общества.

Во-первых, для того чтобы стихотворство могло проявиться в полной мере, нужна значительная обработка стиха. Выработать стих до такой степени легкости, чтобы он стал доступным большинству, есть дело даровитых писателей, но не метроманов. Их обязанность петь с чужого голоса, приправляя его собственным, невыработанным и хриплым, им нужен непременно вожатый или регент, без которого они будут молчать. Но если подобный вожатый явился, метромания начинает обнаруживаться, усиливаясь более и более по мере появления даровитых писателей, облегчающих механизм стиха. Так что после всякого гениального поэта количество и деятельность метроманов чрезвычайно увеличивается, они подхватывают каждый мотив его и разнообразят на тысячи ладов, пока, наконец, не опошлят до крайности. Далее, в первое время подражательных литератур, когда еще мало словесных произведений, а в обществе уже явилась ма-

ленькая охота к чтению, метроманы имеют большой успех и многим из них удается приобрести громкую известность. Вкус читающего общества, еще не очищенный художественными созданиями и здравыми суждениями критики, принимают всякие стихи за поэзию, между тем как в подобное время писать стихи легче всякого другого занятия по литературе. Вследствие этого появляются самые отъявленные метроманы, производящие огромное количество стихов, которые, однако ж, потребляются и доставляют славу своим производителям. Но наступает период более зрелой литературы: общество уже несколько ознакомилось с искусством с помощью образцовых произведений даровитых писателей и усвоило некоторые положения здоровой критики. Его уже трудно занять стихотворной безделкой, оно привыкло ко всякого рода стихотворениям и успело утомиться их изобилием. А между тем и сочинять стихи сделалось искусством менее легким вследствие появления прекрасных стихов талантливых писателей: общество тотчас отвергнет худосплетенные вирши, и метроман, не одаренный, по крайней мере, способностью писать гладкие стихи, в подобный момент состояния литературы избегает гласности, боясь быть предану на посмеяние. Таким образом, наступает второй период метромании, требующий уже небольшого таланта и умения подделаться на вкус читающего общества. Наконец, читающая публика достигает до той степени развития, когда от всякого литературного произведения требуется более содержания,

нежели формы. Пора художественного сочетания этих двух существенных сторон всякого произведения еще не наступила, но общество успело перейти в крайность, противоположную прежней: там оно не видело ничего из-за формы, здесь гонит всякую изысканную форму, требуя содержания и содержания, для метроманов наступает время всеобщего гонения, и только смелые из них выступают гласно во имя искусства. Остальные обдeldывают свои стихи тайно, прочитывая их в дружеском кружке и всегда с предисловием, в котором заключаются нападки на испортившийся вкус публики. И слыша все меньше и меньше голосов в свою пользу, они делаются менее производительными, более скромными, хотя и не расстаются совершенно с грешками своей страсти.

Таким образом, бывает три главных степени метромании, зависящие от состояния образованности читающего общества. Что же касается этой страсти по отношению ее к самим метроманам, то можно разделить ее на два главных вида: метроманию по обязанности и метроманию по призванию. Эти два вида в отношении к трем вышепоказанным степеням находятся в обратном отношении. Метромания по обязанности является преобладающей в первом периоде, когда каждый даровитый писатель, угождая вкусу публики, должен порою являться метроманом; во втором периоде она значительно слабеет и почти исчезает в третьем, тогда как метромания по призванию постепенно и постоянно усиливается, наконец, в третьем периоде принуждена выдержи-

вать борьбу, которая оканчивается падением стихотворства. Здесь дело метроманов возбуждает участие: к их прежним страданиям присоединяется новое, именно: их служение отвергнуто обществом. Для них остается одно: защита, одна надежда – это сама поэзия, во имя которой беспрестанно слышатся их жалобы на холодный, бесчувственный век, будто бы отвергнувший вдохновение. Эти жалобы льются у них прямо из сердца. И как не простить их маленького заблуждения, столь искреннего! И как не сочувствовать их положению, столь безотрадному! Если общество только подшучивало над метроманами, когда дело их казалось еще успешным, то, когда оно проиграно, следует, без сомнения, оставить насмешки и приютить их как побежденного неприятеля. Но это снисхождение должно быть сказано не иначе, как во имя искусства, требующего отбросить всякую личную страсть и служить ему по его же законам.

Итак, падение стихотворной формы в новейшей русской литературе есть только выход из того ненормального положения, в которое она поставлена была метроманами. Переход от метромании к изгнанию стихов неоспоримо доказывает быстрое развитие эстетических понятий о поэзии, а потому и утешительно, что пора преобладания стихов, видимо, прошла для русской литературы. Это обстоятельство показывает, что она мужает и делается самостоятельной. В самом деле, метромания всегда была неразлучна с незрелостью и подражательностью литературы, начиная от Александрий-

ского периода, произведшего несчетное количество всякого рода стихотворных поэм, до стихотворных элегий недавнего времени. Преобладание стиха показывает преобладание формы, содержание, мысль и чувство становятся на последнем месте. А увлекаться формой, внешностью, не обращая внимания на то, что под нею скрывается, есть принадлежность ранней молодости. В литературах, развивающихся самостоятельно, не заметно подобного преобладания внешности, в них форма и содержание идут дружно вперед, постепенно и постоянно совершенствуясь, в них и первичные начала литературной деятельности представляют из себя стройное целое, становящееся неотъемлемым достоянием искусства. Напротив, в литературах, развивающихся извне, форма на первых порах делается преобладающей. Подражатель по степени развития ниже своего образца и, будучи не в силах понять его вполне, увлекается его внешностью, думая, что в этом заключается вся сущность дела. Так, у римлян, после того как они познакомились с поэтическими произведениями Греции, появилось множество стихотворцев. Забыта была простота предков-победителей. Римлянин перестал вставать ранним утром, не слушая дел клиентов, не шел на площадь слушать старших и поучать младших: «Нет, – говорит Гораций, – ветреный народ переменился и увлекся единственно страстью писать, и дети и важные старцы, увенчавши волосы плющом, стали петь стихи... и ученые и неученые

стали писать поэмы»¹. Метромания овладела умами римлян, и это случилось на первых порах подражательной римской литературы. Так у французов в XVI–XVIII столетиях, когда они сблизились с древнеримской литературой, настало, по преимуществу, время стихов. А сделавшись образцом для всех европейских народов, французская литература сообщила им болезнь стихотворства, сообщила ее и России², явилось и у нас много писателей, которые видели только метр, бредили рифмой и писали всякого рода стихотворения.

Деятельность этих людей была изумительна: можно собрать огромное количество томов, исписанных стихами; можно насчитать целые сотни поэм, комедий, трагедий, написанных из одной страсти к стиху и рифме. Но эта деятельность предана забвению, имена, некогда увлекавшие публику, остались в книгах, которые не читаются; люди, рассчитывавшие на громкую и долгую славу, более не вспоминаются. И потомство в этом случае справедливо, потому что эта огромная деятельность была бесплодной и более задерживала, чем подвигала вперед литературу; люди же, рассчитывав-

¹ Epistolae cit. II Mutant mentem populus levis, et calet uno Scribendi studio: puerique patres que severi Fronde comas vincti coenat et carmina dictant... Scribmius indocti doctique Poemata passim.

² В то время, когда Буало, le poète du bon sens, господствовал на Парнасе и его l'Art poétique считалось непреложным кодексом для каждого поэта, поэтические созерцания не различались от стихов, поэзия и стихотворство составляли одно нераздельное. Отсюда вытекло высокое значение стихов в литературе французской, а потом и в нашей XVIII века и начала XIX.

шие на известность в потомстве, более думали о себе, чем о потомках. Тем не менее, однако, считаю нужным коснуться истории русской метромании³.

XVIII век был у нас по преимуществу тем временем, когда действовали метроманы по призванию и по обязанности и возбуждали всеобщее одобрение. Ломоносов, бесспорно, должен считаться вождем стихотворцев этой эпохи, с его торжественно-хвалебного голоса стали писаться длинные и громкие оды. Он, величаемый современниками нашим *Виргилием* и *Цицероном*⁴, *Пиндаром* и *Малербом*⁵, представлял собой для последующих одистов, которые, пользуясь его услугой относительно русского стиха, размножились до огромного количества. То было время, в которое, по словам

³ История русской метромании должна начинаться с виршей С. Полоцкого. Но время от Полоцкого до Ломоносова так бедно стихотворцами, и эти стихотворцы так неплодовиты, что из их отрывочных произведений нельзя извлечь положительных данных для истории. Что тогда не имели сколько-нибудь близких к истине понятий о поэзии, это неоспоримо; однако не оскорбляли последнюю приношением обильной дани стихам. Если в «Арифметике» Магницкого правила о сложении, вычитании и прочих предметах перемешаны стихами, зато другие ограничивали свое служение метру не больше как осьмистишиями или двестишишиями и много-много какой-нибудь эпистолой или симфонией. Так, Ильинский, учитель Кантемира в поэзии, напечатал только два стихотворения, из которых следующее приводится Новиковым: *Ликуем, Моме, оба! Се книга кончася* Мне убо покой, труд же тебе даровася. («Опыт словаря о российских писателях», стр. 70).

⁴ Шувалов, в надписи к портрету Ломоносова.

⁵ Сумароков, противник Ломоносова, величал его, однако, Пиндару подобным и Малербом наших стран (Эпистола о стихотворстве).

Дмитриева – автора оды:

И там, и здесь встречаются толпами,
С бумагою в руках, с горящими глазами,
Всех ловят, всех к себе и тянут, и тащат
И, слушай их иль нет, а оду прокричат⁶.

Это, наконец, послужило причиной того обстоятельства, что среди всеобщего благоговения к стихам, когда и Третиakovский читался не без удовольствия, явились некоторые противники метромании, хотя они сами не были свободны от этой заразы⁷. Их голос делался все сильнее и, наконец, в начале текущего столетия разразился бойкой сатирой под пером Дмитриева⁸, Капниста,⁹ Измайлова,¹⁰ Милонова¹¹ и других. Метроманы по обязанности начали уменьшаться; по призыванию, благодаря облегчению русского стиха Карамзиным, Дмитриевым и другими, размножились чрезвычайно. Их стихи запелись не с ломоносовского одозвучного голоса, напротив – слишком тихо, вяло и слезливо. То были «плак-

⁶ Послание от английского стихотворца Попе к доктору Арбутноту.

⁷ Сумароков (в баснях «Рецепт» и «Несмысленные певцы»), Майков В. (в поэме «Падение стихотворцев»).

⁸ В сатире «Чужой толк» и некоторых эпиграммах.

⁹ В сатире «Кто что ни говори, а я начну браниться».

¹⁰ Во многих баснях, в «Разговоре между издателем „Благонамеренного“ и стихотворцем», в «Сатирических ведомостях» и в других.

¹¹ В сатире «К Луказию» и «На модных болтунов».

сы бедные», как выражались о них современники, то были подражатели милого, нежного Карамзина. У них:

Все голубки к красавицам летят,
Все выются ласточки, и все одни затеи;
Все хнычут и ревут, и мысль у всех одна:
То вдруг представится луна
Во бледнопалевой порфире,
То он один остался в мире,
Нет милой! Нет драгой!.. Она погребена
Под камнем серым, мшистым!
То вдруг под дубом тем ветвистым
Сова уныло закричит,
Завоет сильный ветер, любовник побежит
И слезка на струнах родится;
Тут восклицаний тьма и точек появится¹².

Ломоносов перестал уже быть корифеем метроманов; ода сменилась идиллией, к удовольствию последних, которые через то получили право гласно высказывать все, что у них было на душе, все,

что может стихотворец мыслить
В угрюмой хижине своей?¹³

Пользуясь таким обширным правом, они завалили рус-

¹² Послание В. Пушкина И. И. Дмитриеву.

¹³ Послание В. Пушкина И. И. Дмитриеву.

скую литературу всякого рода «нежными стихами», и в то время как над ними подсмеивались в сатирах и эпиграммах, они изливали гнев свой на остальных одистов. Настала стихотворная война. Одисты, видимо, уступали поле своим слезливым противникам, а последние размножились благодаря соблазнительному праву говорить стихами о пустяках всякого рода. Даровитые стихотворцы никак не могли стеснить круга своих бездарных собратьев, потому что они сражались с ними их же оружием, то есть стихом. Хотя и явилось много прозваний, обидных для метроманов¹⁴, хотя в сатирах постоянно выставлялась смешная сторона метромании; однако журналы явились как бы защитниками, принимая на страницы свои всякий стихотворный вздор¹⁵. Между тем, угнетаемые притворились непонимающими дела и сами стали писать эпиграммы на метроманию.

Кто с музами живет, успехи вечно с ним! Это было об-

¹⁴ Как-то: рифмач, рифмоскрип, стиходей, стихоплет и другие.

¹⁵ Еще в 1792 году издатели журнала «Зритель» (Крылов и Клушин) так выразились в предисловии: «Не подумает ли кто, что здесь стихов не будет? Боже сохрани! Без стихов ежемесечник, как пища без питья, или как чай без сахара. Угостит ли тот хозяин, который предоставит им обед, хотя бы и преизобильный и превкусный, но без всяких напитков? Без стихов нельзя». Карамзин в «Вестнике Европы» (при разборе «Душеньки» Богдановича) говорит: хорошие стихи всегда лучше хорошей прозы. Богданович писал ими, и мы все читали его; Лафонтен прозой, и роман его едва ли известен одному из пяти французов, охотников до чтения (Соч. Карамзина, т. 1, стр. 617). Измайлов, издатель «Благонамеренного», нападая на стихотворцев, печатал в своем журнале разнообразного достоинства стихи, свои и чужие.

щее верование стихотворцев. И зачем же было исключительно его только любимцам граций, Дмитриеву, Карамзину, которые своими нападками на стихотворство хотели разлучить с музами бездарных метроманов? Нет, – восклицал отъявленный из них вослед своим корифеям:

Нет! И я хочу, как вы, греметь на лире,
Лечу ко славе я, ваш дух во мне горит.
И я известен буду в мире;
О радость, о восторг!.. и я... и я пиит¹⁶.

Словом, стихотворная война не могла кончиться в ущерб метроманам, потому что против них употребляли их же оружие, и она длилась бы долго, если бы не появились на поприще стихотворства такие таланты, как Жуковский, Батюшков и вслед за ними и Пушкин. Поэтический голос последних привлек к себе всеобщее внимание, заставил прервать бесполезную стихотворную войну и, не воюя, силой собственных достоинств подорвал в самом основании владычество метромании.

Прекрасна была пора нашей поэзии, когда она приняла в себя свежие, богатые соки, когда многие поэты сообщили ей силу и движение. Тогда действовал Пушкин, исполин нашей поэзии, полный и могучий представитель русского духа в искусстве. Дружина молодых талантов окружала своего пред-

¹⁶ В. Л. Пушкин.

ставителя; согласие, любовь связывали дружные работы молодых сил, – и наша поэзия вступила на новую арену.

В то время не было конца литературным новостям, не было конца изумлению и наслаждению читателей. И то была по преимуществу пора стихов, но стихов прекрасных, полных поэзии, – и от школьной скамьи до кабинета ученого, от будуара светской красавицы до скромной спальни деревенской барышни – всюду читатели заучивали и переписывали стихи; всюду наслаждались первыми самобытными цветками нашей поэзии, которая начала высказывать все свое богатство и разнообразие как в содержании, так и в формах.

Среди такой блестящей поры нашей поэзии, когда именно на опыте, наглядно поучали публику в том, что такое поэзия, – не дремали и метроманы. Для их деятельности дано было новое средство: возможно большее облегчение механизма стиха. Пока не убедились в той истине, что после Пушкина нетрудно слагать гладкие стихи, пока не сознали, что хороший стих не то же, что гладкий, и дается именно полнотой и глубиной содержания, до тех пор многие стихотворцы пользовались у нас титулами поэтов, и многим из них сулили и долговечность и славу¹⁷. Простительно было в этом случае немного и погрешить: публика получила столько наслаждений от Пушкина и его дружинников, писавших стихами, что следовало под влиянием впечатлений прошлого прислушаться к звукам пушкинского стиха, нашедшего себе от-

¹⁷ Тимофеев, Бернет, Бенедиктов и другие.

голосок в последующих за ним стихотворцах, и радоваться, если эти отголоски живо напоминали преждевременно утраченные.

Но жизнь недолго стоит на одном и том же, и потребности живущих изменяются не по векам, а по годам.

Нетрудно было осмотреться и увидеть, что под прекрасными формами стихотворцев-подражателей Пушкина не скрывалось ничего поэтического, что под нарядным платьем не одевали прекрасного тела. Публика, наконец, заметила это – и разочаровалась. Ей стало жаль своих прежних увлечений, потраченных напрасно; ей стало больно от невинного обмана, в который ввели ее, как ребенка, красивою отделкой пустой игрушки; ей стало досадно, что и под прекрасным скрывается пустошь, которую ничем не наполняют и не хотят ничем наполнить. А тут последовало новое дуновение жизни, прилетевшее к нам с Запада, в силу законов общения и времени. Дух анализа, дух исследований проявился в деятельности всякого рода, проникавший в глубь предмета, а не скользящий по его поверхности. Против этого стоглазого духа могло ли устоять стихотворство со всею бедностью своего содержания? Чем оно могло защитить себя перед новыми потребностями времени? Что могло оно явить достойно из себя этому нелицеприятному судье, пришедшему поверить действительный ход дела, а не любоваться безотчетно кажущимся его движением? Без сомнения, ничем и ничего. Судьба стихотворцев решилась, дело их проиграно навсегда,

а вместе с тем и метромания, совершив полный круг своего развития, сошла со сцены нашей литературы.

Однако прежде чем достигнешь какой-либо истины, неизбежно впадешь в крайности, часто между собой диаметрально противоположные, которые, столкнувшись и ограничивши одна другую, наконец, дают из себя нечто законное, должное. То же самое произошло и в нашей литературе и в отношении стихотворства. Вместо того чтобы ограничить его законными мерами, стали гнать и преследовать без разбору всякие стихи. Роль гонителей взяли на себя наши лучшие журналы и выполнили удачно: не только стихотворство, но и стихотворные формы вообще пали в нашей литературе.

Остановимся на этом факте и определим его законность.

Благодаря истинно художественным произведениям Пушкина, а вместе с тем благодаря знакомству нашему с европейскими, по преимуществу немецкими эстетиками, мы дошли до верного понимания поэзии и научились не приурочивать ее безусловно стихам какого бы то ни было достоинства. Стих начал считаться у нас необходимым выражением поэтических идеалов; он стал у нас поэтическим словом, в которое поэт облекает свои помыслы; он, как внешнее, стал необходимо условливаться внутренним содержанием, сущностью самой поэзии. Эта последняя, отражая в себе жизнь и природу, может воспроизводить общие идеалы, без видимого отношения их к современной жизни, или же, собирая в себе идеи современности, она может выражать в личности

поэта те интересы, которые волнуют живое, настоящее общество. Толпа всегда находится на стороне поэта, который в своих созданиях выражает общественную жизнь и ее потребности; она обращает к нему радостные взоры и ждет, что от его чудных песнопений произойдет брожение в тяжелоподвижных массах большинства. Но только глубоко образованный слой общества, только немногие поклонники искусства приветствуют поэта, который является единственным безусловным художником, который творит как истинный жрец искусства, бескорыстно, безотносительно к месту и времени своей деятельности, который служит своему призванию по законам самого же искусства. Подобный писатель не может сделаться любимцем толпы и никогда не увлечет за собой целого общества, не будет его любимым вождем на пути к совершенству, и вслед ему не загремят общие рукоплескания. А наш поэт, с голоса которого пели стихотворцы тридцатых и сороковых годов текущего столетия, был преимущественно поэтом-художником и под конец своей деятельности уже не удовлетворял насущным потребностям общества. А наше общество, внимавшее этим стихотворцам, было именно так настроено, что в своих жаждало видеть своих вождей, хорошо знающих мир действительности и прозревших вдоль... «Отчуждение от действительности» – это был сильный опасный враг, над которым тогда старались одержать победу, и потому с ожесточением преследовали все, что носило на себе след фантастического, идеального, что приле-

жит к миру мечтательному, несуществующему. Именно тогда последовал поворот жизни и мысли от воображаемого к действительному, и на стороне новизны необходимо должны были стать ревностные поборники положительного знания, серьезного изучения, неопровержимых фактов. Лозунгом их стремлений сделался «мир действительности», и всякое литературное явление определялось и ценилось настолько, насколько оно обеспечивало собой это новое стремление общества¹⁸. При таком настроении века и поэзия должна была возвестить миру новое слово. Действительность текущей эпохи, жизнь современная, воззрения на эту жизнь и настроения общества, посреди которого живет поэт и в силу своей человеческой природы – вполне проникается ими, вот что стало исходной точкой и целью современной поэзии.

Но в это время, когда наши романы и повести всячески старались на свет современное общество то со стороны стремлений его к реальным благам жизни, то со стороны успехов и замедления общественности и заслуживали названия «социальных», – в это время наши стихотворцы по-прежнему пели старую песню. Да, старую: действительность в общем ее смысле, жизнь в вечном ее значении. А частное – временное и местное, в силу которого поэзия становится зеркалом современности, отражающим действительность

¹⁸ По мнению Первинуса: «Общественный быт, государственная жизнь должна служить единственным содержанием новой поэзии. Всякая другая поэзия в настоящее время – анахронизм, цвет отцветший, она недостойное чтение зрелому духу».

во всей ее наготе и с помощью которого общество знакомится с самим собою и совершает великий акт самосознания, – это частное оставалось чуждым то грустных, то веселых напевов наших стихотворцев. Они были отчасти правы перед своим великим искусством; но виноваты в отношении к своей великой эпохе, к духу ее стремлений и к общей настроенности большинства – и общество имело основание нападать на стихи, которые его не удовлетворяли. Как не уважать его требования и как осмелиться им противоречить? Если эти требования явились – они законны, как факт, как достояние вечно изменяющейся жизни; осуждать их – значило бы ставить себя незаконно выше общественных стремлений и брать на себя невозможное для человека право – руководить духом времени и направлять его к целям, не лежащим в сфере нашего ведения. А потому-то общество и преследует негодованием или насмешкой все то, что не подходит под уровень его стремлений¹⁹. Неудовлетворенное, оно начинает бросаться из крайности в крайность. Ограничивая меры поэзии односторонней сферой чувством современно-

¹⁹ При этом необходимо указать на те факты, которые очевидно показывают, как общество оставалось верным своим требованиям: наши поэты: Фет и Щербина, Огарев и Некрасов даже в эпоху гонений на стихи вообще заслуживали всеобщего одобрения. Первые два – как поэты земных радостей, вышедших в число разумных потребностей нашей природы; последние – как противники оптимизма, изгонявшего бедствия из мысли, но не из жизни. Характер современности отразился в их произведениях, и общество признало их поэтами, и с удовольствием читало их стихи. На этот раз не произнесли ювеналовского «*inolignatio fecit versum*».

сти и воззрениями на жизнь текущей эпохи, назначая источник, из которого поэт должен почерпать свое вдохновение, и не давая ему летать всюду, куда ни понесут его творческие силы, – общество, на этот раз неудовлетворенное, неблагоприятно посмотрело на поэзию вообще. Нашлись люди, в увлечении заподозрившие законность лиризма, которого в душе человеческой хранятся неистощимые источники, заподозрили жизненность души и лирическое настроение стали считать за звонкие фразы. Мало того, нашлись охотники подсмеиваться под молодостью души, над кипучестью порывов; венчали похвалами только те поэтические произведения, в которых ум видимо брал перевес над талантом. Насмешками осыпали их, кто решился было объявлять протест против голого ума, за пластичность, против господствовавшей иронии; за природу против ядовитого анализа. Тогда-то, наконец, приступили к ограничению литературных форм вообще и стихов в особенности. Стихи, «язык богов», как выражались в старину, перестали привечаться читателями, не имели места даже в журналах, и царство их сменилось царством прозы. Это было в порядке вещей в самом деле, когда действительность, факт поставляемы были во всяком литературном произведении мерою его достоинства, когда естественность и нестеснение формами в выражении мыслей и чувств составили настоящую нужду всякого писателя. Мысль, свободно преданную обществу, поставили тогда выше произведения, написанного все же не чуждыми ис-

кусственности стихами; формы, мешающие естественному течению и выражению мысли, были признаны вообще стеснительными и долженствующими пасть²⁰. Это было возмездие мужавшего общества за то увлечение формами, которому оно в молодости нашей литературы приносило щедрую дань, породившую многолетнюю и многообильную метроманию. Но и здесь зашли слишком далеко. Забывши, что в художественном произведении должно быть полное соответствие между формой и содержанием, что сам поэт-художник не волен в той форме, которую изберет для своего проявления его поэтическая идея, стали утверждать, что стихи не только форма натянутая, неестественная, но и чистые безделки, нравящиеся детям, а не взрослым. Не стоит и опровергать подобной натяжки, да и сами провозгласители ее не оставались верными своему quasi-убеждению: будучи равнодушны к стихам вообще, они наслаждались стихами вполне художественными и гласно твердили про свои наслаждения. В этом случае независимо от них самих выказывалась истина, и ясно определилось то, чего именно хотели гонители стихов: у нас были стихи первоклассные, и вследствие этого мы не хотели иметь стихов второклассных и вовсе дурных. Это законное требование поддерживалось преимущественно журналами последних годов, и ему мы обязаны появлению

²⁰ «Что вы хлопчете, – кричали наши критики, – о том, как называется ваше сочинение и в каких формах оно должно явиться на суд общества. Главное дело в том, что оно в себе содержит: роза и без имени пахнет розою» («Отечественные записки», 1848 г., т. 117).

нием и тех пародий на всякого рода стихотворения²¹, которые, должно сознаться, прошли в нашей литературе не бесплодно²².

Теперь для русской литературы наступило по преимуществу время прозы, время степенных и полезных трудов, чуждое желаний блеснуть изысканной формой. Пора безотчетных увлечений прошла; мысль и чувство русского образованного человека ищут для своего проявления форм, вполне сообразных с сущностью дела.

Метромания, как служение исключительно форме, исчезла, и стихи стали реже являться в печати, как форма исключительная, требующая особенных условий со стороны своего содержания. Напрасно поклонники стихов, слыша постоянные нападки журналов на метроманию, упрекают наш век положительностью и равнодушием к поэзии, стараются

²¹ «Нового поэта» Эраста Благодрава и других.

²² Замечательно предисловие к «Собранию стихотворений Нового поэта» изд. 1855 года. Вот оно: «Новый поэт собрал все свои пародии, разбросанные по разным изданиям, в одну книжку, единственно для того, чтобы еще более подтвердить мысль, которую он преследует в продолжение нескольких лет, что можно, не имея ни малейшего поэтического таланта, писать гладкие, звучные и громкие стихи и что такие стихи есть труд чисто механический, очень легкий в настоящее время. Сколько у нас до сих пор людей, пишущих стихи и воображающих себя поэтами... Кто знает? Может быть, предлагаемая книжка подействует хотя на одного из таковых благотворно и заставит его сознаться внутренне, что и его стихи – не поэзия, и что вообще составление стихов без поэзии – самое пустое и бесполезное препровождение времени, которым каждый благомыслящий человек обязан дорожить. Если такая надежда осуществится хоть на одном стихотворце, книжка издана не даром и Новый поэт достиг своей цели...».

ся представить его не признающим вдохновения и прелести идеалов. Напрасно они провозглашают, будто бы любовь, гений обречены в настоящее время насмешкам писателей, которые не заботятся о слоге своих творений и объявляют тщету искусства. «Прикрываясь именем поэзии, они, видимо, ратуют за стихи и, незаметно для самих себя, обуславливают ими поэзию. Иначе как делать нашему веку такие упреки? Если форма современных литературных произведений далека от совершенства, то виной этому не пренебрежение стиха, а долго бывшее пренебрежение прозы. А поэзия... и отъявленные противники стиха не решаются искренно покинуть ее храм и поколебать ее треножник». Что же касается до гонения на стихи, впадавшего во многие крайности, а теперь уже оставленного, то оно, главным образом, вытекает из исторического развития у нас поэзии, как искусства из духа времени, из настроения общественного. С одной стороны, дух анализа, не находивший пищи в стихотворениях, бедных содержанием, а с другой – направление литературы к действительности и общественности, – все это подрывало во мнении публики авторитеты даже и таких поэтов, которые с честью служили искусству ради самого искусства. То было время положительных стремлений, которые мы должны уважать, но вместе с тем, то было время и многих крайностей, неразлучных со всяким новым направлением.

Но в то время, когда европейский мир погрузился в расчеты и положительность, когда, казалось, пары вытесняли вся-

кие поэтические парения, когда стук машин, визг паровозов и кучи товаров, свозимых отовсюду на всемирные выставки, составляли предмет воодушевления и вдохновения, вдруг зашумела военная тревога и наступила великая, беспримерная в истории война. К берегам наших морей подступили небывалые доселе армады, на Дунае развевались наши знамена; грянул синопский разгром, и это отозвалось на берегах Аракса и Арпачая. Вослед нашим героям послышались отовсюду благословения; много новых чувств пробудилось в душе каждого, и эти чувствования требовали обнаружения, гласности. Да и наше время требует своих бардов и баянов, и современная великая война не может обойтись без своих Гомеров и Тиртив. Если суровые спартанцы считали стихотворения необходимой принадлежностью своей постоянно-лагерной жизни; если военные подвиги всегда находили себе достойных певцов-вдохновителей; то, без сомнения, и наше бранное время должно было огласиться своего рода песнями. Это, наконец, должно было произойти и в силу последнего настроения общества, которое требовало от поэзии современности, действительности текущей жизни. Что может быть современнее тех чувствований, которые пробудились при шуме настоящей войны? Какая действительность могла быть ближе к сердцу каждого, как решающаяся при громе пушек? Сюда устремились мыслью и сердцем все; сюда обратилась и поэзия, и в каких бы формах она ни являлась — здесь по всем правилам ее законное место.

Все наши журналы и газеты более или менее наполнялись патриотическими стихотворениями. Это факт животрепещущий. Пора суждений об нем еще не наступила: мы можем на него указать, но не имеем права исторически его анализировать. Здесь возможны только следующие посылки: 1) стихотворные формы возобновились вследствие проникновения их идеями и чувствами чисто современными, взятыми из текущей действительности, и 2) великие события нашего времени все еще не нашли для себя достойных поэтов, которых творения возвестят нашим потомкам весь цвет и всю силу нас трогающих поэтических помыслов.

Да, наша эпоха великая и ничто великое не обманет ее грозного шествия. Там стоны умирающих и болезненные крики раненых; там вздохи отцов и слезы матерей; там печальная участь вдов и младенцев – невинных жертв войны... и всюду то разумное, святое чувство любви к отчизне, то смутно сознаваемый говор об одном и том же: и записных политиков, и едва имеющих кое-какие понятия о страшных средствах войны... и ободряющий голос пастырей церкви, молитвы о победе, тризны по славно умершим... и взрывы крепостей и грохот страшных орудий защиты и нападения – все это разве не найдет себе беспримерного голоса в дивных звуках поэзии! Все это, созидающее, без сомнения, лучший порядок вещей, закрытый от нас непроницаемой завесой времени грядущего, – разве не откликнется чудной речью в годах наступающих?.. Да, наша эпоха великая и ни-

что великое не обманет ее грозного шествия! Из этого хаоса вражды и самоотвержения, ненависти и любви, по законам нашей жизни – возникнет неминуемо наше лучшее, и раскинется оно на цветах мира и огласится стройными, высокомузыкальными хорами песнопений! Ни ропот, ни уныние да не коснутся нас в настоящую годину, и в великом деле есть своего рода всегда присущее земле зло!

То – хор судеб, то – брань святая:
Пред нею я, безмолвный, преклонюсь,
Грядущего глагола ожидая:
Что скажет мир. Что скажет Русь?

(СПб. В.)